

Куницын Игорь Николаевич родился 25.05.1976 в Коми АССР в г. Печора. Закончил в 1998г. Архангельскую Медакадемию. В 2001 поступил в Литинститут в Москве.

Лауреат премии Сергея Есенина, Илья премии и премии «Золотое перо».

Печатался в журналах «Интерпоэзия», «Новая юность», «Крещатик», «Немига», «День и ночь» и в др.

Книга стихов «Некалендарная зима» 2008г.

Игорь Куницын **г. Домодедово**

Не ведаешь, обедаешь,
вдруг, бац, встаёшь, идёшь –
с деревьями беседуешь,
людей не узнаёшь.

Стоишь под сливой, вишнею,
рябиной у пруда –
в итоге восьмистишие,
остывшая еда.

И на туманном Альбионе
и в Домодедово у нас
возможно, стоя на балконе,
увидеть серое сейчас
густое марево и морось,
и там, наверное, грустят,
обняв перила, курят порознь
и за цветами прячут взгляд.
Тут над Пахрою, там над Темзою

картина видится одна:
сырое небо бесполезное –
горизонтальная стена
лежит на здании парламента,
пришита чайками, рыбак
не помнит прошлого, всё правильно,
не помнить прошлого – пустяк.

Сегодня снегу навалило,
хватило бы на две зимы
и на четыре бы хватило.
А это март! А это мы

глазем, недоумевая,
на аномалию в окно,
я на работу опоздаю,
но дочитаю в пробке о

переживаниях героя,
его метаниях и проч.
Его желания второе,
он это знает и не прочь

сойти на каждой остановке,
но, к сожалению, экспресс
его везёт без остановки,
а персонаж глядит на лес...

А лес глядит на персонажа
и тоже думает: «Стою,
и никому неважно даже
узнать историю мою».

Наступит вечер, скучно станет,
и мальчик удочку оставит
из лёгкой ивы между ив,
в заливе ноги промочив.

Не стоит удочку такую
усталому нести домой,
а украдут - найдёт другую,
из ивы сделает тугой.

Он носит ножичек в кармане,
орешник тоже подойдёт,
а лето кончится вот-вот,
вот-вот ловиться перестанет.

На стенке грязной и сырой
кассетных полмагнитофона,
и скотчем склеенный большой
плакат помятый со Сталлоне.

Покрылся пылью пулемёт,
глядит Сильвестр сквозь дым табачный.
Как ты попал в вагончик дачный
и что с тобой произойдёт?

Быть может, через двести лет
здесь вырастет прекрасный город,
и полувыцветший портрет
найдёт счастливый археолог.

Дань отдавая красоте
и силе, вывесит в музее.
Так в споре проиграют те,
кто говорил, что Шварц сильнее.

Иркутским воздухом дыша,
я чувствовал, как под карманом
дрожит испуганно душа,
и вырастает в сердце рана.

Когда я ехал на Байкал
вдоль Ангары, на сопки глядя,
я понимал, что мне пока
ни ты, ни эта даль не рады.

Я сам себе пока не рад,
и вот уже восьмые сутки,
уставший от дороги, над
землей приподнимаю сумки.

Помимо книжек и белья
они наполнены печалью,
в карманах пусто: «Жизнь моя,
тебе я дальше не начальник!»

На сугробе дети в «Царя горы»
целый день играли вчера, смеясь.
Если кто не знает, то цель игры -
выше всех забраться и не упасть.

А тебя хватают за всё подряд
и плечом толкают и бьют ногой,
каждый хочет всеми другими над
воцариться, чтобы владеть горой.

Постепенно съехал с ноги башмак,
на макушке чья-то лежит ступня,
ты наверх стремишься то так, то сяк.
Это всё, пожалуй, что - про меня.

Это всё, пожалуй, что - про тебя:
ты стоишь на самом верху горы
и не знаешь, кто и когда, любя,
тебе скажет просто – конец игры.

А.П.

Дни проходят одинаково,
время встало и стоит,
снится лестница Иакова,
а под ней Иаков спит.

Крепко спит, не просыпается.
Слышу шум кошачьих лап,
тихо ангелы спускаются,
заливая светом трап.

Сосчитаю до двенадцати –
раз, два, три, четыре, пять...
«Истинно, Господь является.
Мог ли я об этом знать?»

Или сделаю движение,
испуская рыбий вздох.
Эта резь в глазах и жжение -
на меня глядящий Бог.

Или вскрикну, словно женщина,
пробудившись ото сна.
Зарастает в небе трещина,
птичья капает слюна.